

ПОВЕРЬЯ О «ЦАРСКИХ» РАСТЕНИЯХ В УСТНОЙ И РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИЯХ

Александра Ипполитова
(Москва)

В 1975 г. в тартуском сборнике «Русская филология» была опубликована статья А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона «“Князь” и “княгиня” в русском свадебном величании (к семантике обрядовых терминов)». Авторы статьи, анализируя на широком сравнительном материале термины «князь» и «княгиня», относящиеся в русском свадебном величании к жениху и невесте, пришли к мнению, что эти понятия связаны, в частности: 1) с символикой роста, возрастания, 2) с уникальностью, сакральностью, 3) с оппозицией «старший/младший (как в возрастном, так и в социальном плане) [Байбурин, Левинтон: 64–66, 68, 74, 75].

Наблюдения над ментальными образами «царя», «князя», «боярина» в фольклоре и языке могут быть дополнены анализом ботанической лексики из травников и лечебников XVII–XVIII вв., в сравнении с устной традицией русских, а именно т.н. «царских» фитонимов и поверьями о соответствующих растениях. Источниками статьи послужили материалы 30 травников и лечебников XVII–XVIII вв. из рукописных собраний Москвы и Петербурга, а также опубликованных.

I. «Царские» фитонимы в рукописной и устной традиции

В травниках и лечебниках нами выявлено более 10 растений, названия которых во всех или отдельных вариантах связаны со словом «царь». По своей структуре «царские» фитонимы рукописной традиции делятся на два типа:

1. слово «царь» + имя собственное (вторая часть может отсутствовать; например, *царь*, *царь Иван*, *царь Мурат*, *царь Сим*);
2. прилагательные «царский», «царев» + существительное (*царские очи*, *царские кудри*, *царской двор*, *царев страх*)¹.

Высокий статус растения в травниках мог быть подчеркнут не только в фитониме, но и внутри самой статьи. Мы имеем в виду

те случаи, когда растение именуется «царем» всех трав, например: «Трава иван <...> а именуется царь в травах» [Муз. 10927: л. 22, № 91].

«Царские» фитонимы хорошо известны в славянском мире. При этом в народной номенклатуре так же, как и в травниках, слово «царь» может быть включено в фитоним целиком и являться начальным элементом двучленного «имени» растения (типа *царь-трава*, *царь-зелье*, *царь мордвин*, *царь мурат*, *царь муром*, *царь сил*), либо фитоним образуется по модели: прилагательные *царев* или *царский* + существительное (*царев лист*, *царевы очи*, *царские очи*, *царские кудри*, *царский посох*, *царский скипетр*) [Анненков; Симонович].

Распространенность «царской» номинации в русской (и шире — славянской) ботанической лексике, в устной и рукописной традициях позволяет предположить, что это явление должно иметь некоторые культурные основания.

II. Поверья о «царях» в устной традиции

Хорошо известно, что само слово «царь» в Древней Руси выступало как сакральное. По наблюдениям Б. А. Успенского, в XVII в. оно «воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имен — наименование человека «царем» в принципе могло приобретать в этих условиях мистический смысл» [Успенский: 37].

Очевидно, мистический (или, по крайней мере, магический) смысл это слово могло иметь при наименовании им не только человека, но и других реалий и персонажей.

В народной биологии некоторые растения и животные могли обозначаться при помощи терминов социальной лексики: *царь*, *князь*, *король*, *боярин* и производных от них. Основаниями для этого служили внешние признаки: необычная расцветка, размер (высокий, большой), красота, редкость. Такие представители мира природы, как правило, наделялись и особыми, полезными для человека функциями. Дикорастущим растениям приписывалась выдающаяся лечебная сила, апотропейные и продуцирующие свойства. Культурные злаки ассоциировались с понятиями множества, плодородия, изобилия. Звери могли предвещать счастье на охоте, змеи — богатство, счастье, необыкновенные спо-

собности [Гура: 20, 158 и др.; Зеленин: 63; Коновалова 2000: 201–202; Коновалова 2001: 62].

В русской мифологической лексике (преимущественно в материалах заговоров и быличек) также известны персонажи, именуемые «царями» (например, *царь лесной*, *царь Муравей*, *царь Мануил*). Величание царями здесь производилось с целью задобрить, умилоствить, заручиться поддержкой соответствующего персонажа [Черепанова: 20–22; Юдин: 137–144].

III. Поверья о «царских» растениях в травниках

При описании растения в травниках используются следующие параметры: название растения, локусы произрастания, высота, особенности строения и цвет венчиков, листьев, стебля, корня, способ сбора, функции и способы применения. В этой связи материалы о «царских» растениях в травниках представляют значительный интерес, т.к. мы располагаем сведениями об «образе» растения, существовавшем в традиции.

Главный признак, объединяющий «царские» травы — цвет. Как правило, «царские» растения имеют венчики ярких расцветок (различные оттенки красного и желтого), или даже несколько разноцветных венчиков (2, 4, 12, 21 венчик разных цветов, в которые также обязательно входят оттенки красного): «Трава царь архангел, <...> а на верху четыре цветы: червлен, зелен, багрен, синь» (*архилин*) [Унд.: л. 30 об.]. Некоторые «царские» растения описываются как золотые или светящиеся: «Около цвету увилось кудрями, видом власно, что позолота» (*царские кудри*) [F.VI.16: л. 2 об.]; «Трава Царь или Царем Царь, всем травам и древам глава <...> а издали кажет, будто огонь горит» (*царем царь*) [Забелин: 262].

Очевидна символическая нагрузка этих цветов: красный цвет и золото в Древней Руси являлись атрибутами царя и высокопоставленных особ [Панченко: 14–15; Вендина: 287, 300].

Понятия цвета и света в травниках тесно связаны с понятием красоты. Так, из описания травы *царевы очи* не совсем ясно, идет ли речь о цвете, о красоте или о том и другом одновременно: «красна собою, листочки красны, цвет красен» [Q.VI.18: л. 35]. В описаниях *осота* сближаются понятия красоты и света: «И та трава ростом прекрасна светла, а листки кругленики, как

денешки, высотой в пядь, цветы розныя, всякия на ней узоро» (*осот*) [Долг. 111: л. 27]².

О необычности «царских» растений свидетельствуют и другие чудесные особенности (антропоморфный корень: *адамова глава 1*, *кликун*, *семитар*, *царской двор*; способность издавать звуки: *кликун*; растению кланяются другие травы: *кликун*), и встречающиеся в некоторых текстах указания на способы поиска растения, ритуал и время сбора.

Функции «царских» растений можно разделить на четыре типа: 1) универсальные; 2) лечебные; 3) социальная магия; 4) разнородные функции продуцирующей семантики. В основе всех этих функций лежит принцип магического воздействия.

Универсальная функция предполагает использование растения в любых целях владельца: «А силу она в себе имеет такову: к чему хошь, к тому и годна» (*кликун*) [45.8.175: л. 13]; «И та трава велми силна ко всему» (*царь Сим*) [Шиб. 289: л. 34 об.]; «Та трава угодна ко всяким вещам и ко всяким болезням» (*царь Симан*) [Муз. 4492: л. 17 об.]³.

Лечебные функции для «царских» растений рукописной традиции (в отличие от позднейшей устной) не являлись ведущими. Существен сам характер болезней, на которые направлены лечебные свойства «царских» трав. Это заболевания, воспринимаемые традицией как особо тяжелые, неизлечимые, в некоторых случаях демонологической природы, требующие магического вмешательства: психические заболевания («ум рушится»), эпилепсия (черная болезнь), женская истерия (кликушество), порча, глухота, тяжелые ранения. Воздействие некоторых трав строилось на основе этимологической магии: растение *царские очи* рекомендовалось использовать для лечения глаз («И та трава велми добра, аще у кого очи болят, и ты держи при себе, отнюдь болеть не станут» [Унд.: л. 31–32]), *царские кудри* — чтобы хорошо росли волосы и не болела голова («Пригодна, у кого на голове нету волосов, парить травою, то волосы будут тонки и гладки. А естли у кого болит голова, то корень облепить воском и зашить в шапку» [F.VI.16: л. 2 об., № 11]).

Наличие универсальных и лечебных функций легко объяснить. Согласно материалам диалектной лексики слово *царь* может иметь значения 'выделяющийся по каким-либо качествам', 'самый лучший', 'уникальный' и т.п. Очевидно, что лучшее рас-

тение должно быть пригодным к любому делу или к лечению самой тяжелой болезни.

Социальная магия была направлена на разрешение проблем человека в отношениях с окружающими людьми и властями. В тех немногих случаях, когда в травнике дается мотивировка величания растения «царем», она связывается именно с социальными функциями: «А цвет ее угоден носить на главе — и тот человек достоин будет всякой чести и почтен будет везде, по той трава именуется царь» (*адамова глава 1*) [Шиб. 289: л. 1]. Использование «царских» растений в социальной магии обусловлено, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, применяя «царь-траву», ее владелец будто бы сам становился царем, и его все должны были любить или бояться, как царя (этимологическая магия). Во-вторых, магия могла быть основана не на соотношении слов, но на соотношении визуальных образов растения и его владельца: красота растения символически переносилась на человека, и все должны были его полюбить.

Прочие функции «царских» растений можно объединить в связи с их продуцирующей семантикой. Они могли быть направлены на разведение скота, пчел, оберег их от болезней и нечистой силы («Есть трава царицы очи. <...> И та трава добра держать в дому к животу и скотом и человеком велми ползует. <...> Она ж добра пчелы окуривать» (*царицы очи*) [Шиб. 289: л. 38 об.]); лечение женщин от бесплодия («Есть трава парамон, та трава всем Царь <...> а корень тое травы — человек, <...> и то печень сварить того человека, варить в молоке и пить по 3 дни и утра той жене на тоще сердце — и родится дитя: девица, потом и отрок» (*семитар*) [Муз. 4492: л. 58–58 об.]); изобилие на охоте или в торговле («Есть трава царь Аросалим. <...> Или похощешь птиц ловить или зверей, носи при себе траву и уловишь много» (*царские очи*) [Шиб. 289: л. 2]; «Царев страх <...> Пригодна естли станешь что торговать, то держи ее при себе, то щастие великое иметь будешь в торгу» (*осот*) [F.VI.16: л. 2]). Продуцирующая функция, вероятно, обусловлена способностью растений к росту, возрастанью; напомним характерный для «царских» растений мотив множественности цветов, листьев, побегов. В то же время, здесь очевидна связь слова «царь» с понятиями богатства, изобилия⁴.

Материалы о «царских» растениях в устной и рукописной традиции обнаруживают значительное сходство на уровне: 1) структуры фитонимов и величаний (а в некоторых случаях наблюдается и буквальное совпадение фитонимов: *царь Мурат, царь Муром, царские очи, царицы очи, царские кудри*); 2) внешних образов (красота, маркированность цветом, высота и множественность побегов); 3) функций (наделение магическими свойствами, универсальные, лечебные, продуцирующие функции).

Особенностью «царских» растений в травниках является их наделение социальными функциями, чему имеются параллели в рукописной традиции XVII–XVIII вв. (заговоры «на власть» в рукописных сборниках заговоров), но нет подтверждения в позднейших устных текстах о «царях» народной биологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее курсивом обозначаются фитонимы в конкретных списках, жирным шрифтом — «метафитонимы», обозначающие совокупность вариантов статьи об одном растении в разных списках.
- ² Опубликован: Травник начала XVIII в. (Публикация А. Б. Ипполитовой) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Отв. редакторы А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М., 2002. С. 420–440;
- ³ Опубликован: Лицевой травник конца XVIII в. (Публикация А. Б. Ипполитовой) // Там же. С. 441–464.
- ⁴ Ср. в современной лексике говоров Русского Севера: *царёк* 'жизнелюбивый человек'; *царство* 'счастье', 'хорошая жизнь' [КСРНГ]; в Сибири: *князьки* 'самые первые поспевшие ягоды' [СРГС: 78].

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков: *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- Байбурин, Левинтон: *Байбурин А., Левинтон Г.* «Князь» и «княгиня» в русском свадебном величании (к семантике обрядовых терминов) // Русская филология. IV. Тарту, 1975. С. 58–76.
- Вендина: *Вендина Т. И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 277–304.
- Гура: *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

- Забелин: *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2: История Руси от начала до кончины Ярослава I. М., 1912.
- Зеленин: *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1: Запреты на охоте и промыслах. Л., 1929.
- Коновалова 2000: *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- Коновалова 2001: *Коновалова Н. И.* Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург, 2001.
- КСРНГ: Картотека Словаря русских народных говоров. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.
- Панченко: *Панченко А. М.* О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1968. Т. 23. С. 3–15.
- Симонович: *Симонович Д.* Ботанички речник научных и народных имена бильака са именима на руском, енглеском, немачком и француском езику. Београд, 1959.
- СРГС: Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 2001. Т. 2.
- Успенский: *Успенский Б. А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Черепанова: *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
- Юдин: *Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- 45.8.175: Травник кон. XVIII в. БАН. Основное собр., 45.8.175.
- Долг. 111: Травник начала XVIII в. РГБ, собр. С. О. Долгова, № 111.
- Муз. 10927: Травник конца XVIII – начала XIX в. РГБ. Музейное собр., № 10927.
- Муз. 4492: Лицевой травник конца XVIII в. РГБ. Музейное собр., № 4492 (другой шифр: собр. Е. И. Усова, № 26).
- Унд.: Сборник выписок из лечебника, травника, астрологических сочинений и др. РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 1072. [В составе сборника — травник 1703 г.]
- Шиб. 289: Лицевой травник середины XVIII в. РГБ, собр. П. П. Шибанова, № 289.
- F. VI. 16: Лицевой травник конца XVIII – начала XIX в. РНБ, F. VI. 16.
- Q. VI. 18: Травник втор. пол. XVIII в. РНБ, Q. VI. 18.

ПРОЗВАНИЕ «ШУТОВСКОЙ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ 1810–1820-х гг.

Дмитрий Иванов
(Тарту)

Говоря о творчестве Шаховского, приходится снова и снова возвращаться к комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). Спровоцированная ею «война на Парнасе» во многом определила тот круг проблем, которые в дальнейшем пришлось решать Шаховскому. В частности, одной из центральных стала для него проблема собственной литературной репутации. Арзамасцы создали устойчивый полемический образ Шаховского, который не переставал эксплуатироваться в дальнейшем. Центральными его элементами были полемические наименования «новейший Аристофан» и «Шутовской». Последнее из них является объектом нашего исследования.

Как отметил О. А. Проскурин, подобная номинативная травестия была традиционна [Проскурин: 354]. Однако арзамасцы, по нашему мнению, опирались в этом на крайне важную для них традицию Вольтера¹. Последний переименовал имя своего главного противника Э. К. Фрерона во «Фрелона» (frelon — *фр.* трутень) [Вольтер: 359]. Арзамасцы аналогичным образом семантизировали имена шишковистов.

По версии Проскурина, автором арзамасской клички Шаховского «Шутовской» был В. В. Измайлов [Проскурин: 359] — один из эпигонов Карамзина, высмеянный драматургом в «Новом Стерне» (1805). Исследователь предположил, что аллегорическая «басенка» Измайлова «Момов подарок, или Странность», напечатанная Жуковским в 5-ой части «Собрания лучших русских стихотворений» (1811), содержала намеки на Шаховского. Пуантом ее была строчка с выделенным курсивом эпитетом «шутовской». Проскурин полагает, что данный текст повлиял в 1815 г. на Вяземского [Проскурин: 360] — автора «Поэтического венка Шутовскому», посчитавшего себя создателем этой клички. Заметим,